
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Галина Целищева
(г. Чита)

АЗИЯ

Галина Целищева родилась в д. Согом Тюменской области. Окончила Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге. Живет в Чите. Автор четырех поэтических сборников: «Время перемен» (2004), «Откровение» (2005), «В потоке солнечного ветра» (2006), «Серебряный рыцарь» (2007). Учится в Литературном институте им. А. М. Горького на Высших литературных курсах. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член Союза писателей России. Представлена к публикации членом редколлегии «Приокских зорь» Валентином Сорокиным.

АЗИЯ

Как пуп Земли — долина на Ононе...
Такыр — морщины времени на ней.
Средь жестких трав — выносливые кони —
потомки чингисхановских коней.

Не долетают ветры с океана...
Долина лижет илистую пыль.
Дыханье Гоби и Такла-Макана
расчесывает шелковый ковыль.

Гнетет людей Востока постоянство.
Кочевники и воины вдали
несут в себе величие пространства,
выравнивая выпуклость Земли.

Кому известно, что мы в жизни ищем?
Рука судьбы прядет свою кудель...
И рядом со славянским городищем
татарскую я вижу цитадель...

...Вино в бочонках, яблоки и груши...
Молдовы самобытна красота...
Ласкали глаз, но не задели душу
садово-виноградные места.

Посланца гор притягивают горы,
воспевший лес — поэт наверняка,
а мне с рожденья хочется простора —
в крови у русских — память степняка.

Сюда меня влекла скитаний сила.
Здесь навсегда — приют последний мой.
Я столько лет по свету колесила
и, наконец, приехала домой.

Минувшее своим арканом ловит,
вер и народов сжав конгломерат...
Во мне — частица азиатской крови,
а внук мой — чистокровный азиат.

Стрела судьбы нас настигает сзади...
Табун бескрайней Вечности гоня,
в степи догонит ясноликий всадник,
подхватит и посадит на коня...

Могучая энергия такая
в колючих сопках, золотых песках...
Взволнованно стучит, не умолкая
пульс времени у Азии в висках.

* * *

Шуршаньем камыша,
речной осокой,
закатным солнцем,
жесткою травой
и даже чем-то
более высоким
навеки вместе
связаны с тобой.
Христовой кровью
и вселенской болью,
рожденьем в муках,
страхом умереть,
щемящим вздохом
и такой любовью,
что разлюбить
нам просто
не успеть!

* * *

Я таким хочу тебя любить:
остроумным, дерзким и веселым,
и в карман не лезущим за словом,
без терзаний «быть или не быть?».
Быть, конечно, непременно быть!
Радоваться солнцу на рассвете,
торопиться жить на белом свете
и меня без памяти любить!

* * *

Нам никто, наверно,
не поможет
возвратить надежды
прежних дней.
Твои женщины
становятся моложе,
я пугаюсь седины своей.
Для чего тоски
порыв внезапный?
Вместе нам с тобой
уже не быть.
Я любовь бы
выпила по капле,
а могу лишь только
пригубить.
Что же мне
останется отныне
от безумных,
сладких,
поздних чувств?
На ладонях —
горький вкус полыни,
на губах —
разлуки горький вкус.

ПОДАРКИ

Покосным летом,
ветреным и жарким
(в нем душные бродили сквозняки),
ты подарил мне
первые подарки:
закат у пламенеющей реки,
тугих стогов
дурманящие груди,
над головой —
в гирляндах — купола,

туман, в котором исчезали люди,
слезу смолы шершавого ствола.
В парной запруде —
пение лягушек,
крапивы отрезвляющий ожог,
охапку сена —
мягче всех подушек
и поцелуя судорожный шок...
Я все, что было
лучшего на свете,
впервые увидела наяву.
Ты подарил любовь,
рассвет и ветер,
и мир,
в котором я теперь живу.

* * *

Как остры облака в горсти!
Как закат обжигает сердце!
Снова хочется наскрести
горстку соли, щепотку перца,
задохнуться и задрожать...
Руки — к небу, а душу — Богу,
и детей от тебя рожать
на тряпье кибитки убогой,
и бежать за тобой и ждать,
зная: ты неверен как ветер,
и тебе предстоит блуждать
и на том, и на этом свете.
Ты, мой странник,
не Дон Кихот —
кони, степи, колчан и стрелы...
Ты веками летел вперед,
я веками вослед глядела.
Сколько ты истоптал дорог?!
Я в окне зажигаю свечи,
чтобы ты обнаружить смог
место нашей последней встречи.

* * *

В душе поют
взволнованные струны.
Но я
наивных песен
не стыжусь.
Кажусь себе я
маленькой и юной
и беззащитно-трепетной кажусь.
Пусть в волосах

искрится прядь седея,
но разве есть
у возраста предел?
Ведь ты мне шепчешь:
«Вечно молодая...» —
и смотришь так,
как в юности глядел.

* * *

Лечу свободная и гордая...
Но прерываю свой полет:
не торопясь, с тобой по городу
другая женщина идет.

Глаза — восторженно-победные,
печать ладони на плече...
Она еще не знает, бедная,
что ты воистину — ничей.

В плену твоей неукротимости,
как я когда-то, станет жить,
но ей ни лаской, ни терпимостью
любви твоей не заслужить.

СЕРЕБРЯНЫЙ РЫЦАРЬ

Мой славный серебряный рыцарь —
знарок быстроногих коней,
какие унылые лица
господствуют в свите твоей,
какие надменные дамы
алкают сражений и драм!
Я дам исцеляющий раны
настой и любовный бальзам...

Мой милый серебряный рыцарь,
доспехам души не спасти...
А я буду ждать и молиться,
тебя охраняя в пути.
Турниры, пиры и парады
от жизни простой далеки.
Тебе обещает награду
касание прелестной руки...

Мой гордый серебряный рыцарь,
в тебе благородная кровь,
не может со славой сравниться
презренной плебейки любовь.
Победно направивший мимо

толпы боевого коня,
не знаешь, что ты —
мой любимый,
и даже не видишь меня.

* * *

Кто ты?
Наказанье? Награда?
Не Бог, но отменно сложен,
смятенье мужей и услада
в довольстве скучающих жен.
Кто ты?
Перед образом чистым
хочу на колени упасть
и, вняв завереньям речистым,
попасть в безраздельную власть,
смиренною стать и покорной
(теперь все решай за двоих!).
Не все ли равно —
белый, черный
оттенок у крыльев твоих.
В слепую обрушиться бездну,
достигнуть святой высоты
и тело распять
и воскреснуть,
и ведать,
что ты — это Ты.

Елена Яковлева

(п. Шексна, Вологодской обл.)

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА

(Повесть)

Пролог

— Чего, милая, дом смотреть приехала? — с порога засуетилась маленькая, седенькая старушка с черными сверлящими глазами.

— Да, бабушка, по объявлению,— отводя взгляд от бабули, произнесла Анна.

— И что за нужда такая, дома покупать? Не гляди, девушка, на меня, ворчунью старую. Жаль дом. Отцом моим отстроен. Сколь выстрадано в стенах этих, тебе и не снилось, милая.

— Вы продаете или нет? — прервала Анна.

— Спешись, что ли? — поинтересовалась старушка.

— Спешу,— призналась Анна,— бабушка в Тюмени дожидается.

— Давно не видала, бабушку-то?

— Давно, лет пять уже...

— Это серьезно! Проходи в дом, гляди.

По старым, изветшалым ступенькам они прошли в пристроенную веранду, оттуда в сени, далее в горницу. Бабушка семенила впереди, проворно открывая вздыхающие двери, неосторожно шевеля застонавшие половицы.

— Веранду это уж брат Славик пристроил. Гляди. А так, все как при отце было. Славик фундамент-то подправил, бревна кое-какие поменял. Не бойсь, дом-то крепко стоит. Только все сохранил, как отец строил, Славик-то, Царствие ему небесное, помер месяц назад. А я на похороны приехала. Да так тут и осталась. Родной дом-то. Тут бы и смерть свою принять. А сын пристал, продавай, мать, да и все тут. Ему деньги нужны. А не понимает, что родное гнездо своего птенца греет. Смеется только...

— Ну, так оставайтесь, да живите,— заметила Анна.

— Да как живите-то. Гнездо родное, а сын-то — он еще роднее. Как вот эти два родные воедино собрать? Сын-то городской, образованный, ученую степень имеет, в доме этом и не бывал ни разу. Чужой он ему, дом этот...

— Здесь только холодная комната и теплая, да?

— Да, милая. Холодную мы сени называли, теплую — горница.

Просторная горница одарила запахом засушенной травы и светом, истекающим из четырех, посаженных рядом окон. Высокая деревянная кровать горбилась под натиском расшитых крестом подушек. Самотканые, ветхие, но чистые дорожки аккуратно располосовали некрашенные полы. Старые, поблекшие фотографии оживляли неброские серые, закопченные стены. Анна мельком взглянула на фотографии. Многочисленные незапоминающиеся лица... И вдруг что-то знакомое... Уже не молодой мужчина в военной форме сидит на стуле, держа на коленях девочку лет пяти, а рядом девицы постарше, кто в чем, в каких-то отрепьях. Старшая, изможденная с про-

свечивающими из-под платья острыми плечами, держит на руках младенца лет двух. Лица у всех сосредоточенны и угрюмы. Только одна девочка, улыбаясь, вносит дисгармонию в этот суровый, запечатленный на фотографии мир.

— А у вас откуда эта фотография? — спросила Анна.

— Какая? Эта-то. А это наша семейная реликвия. Батька-то, с войны когда вернулся, собрал нас всех, кто живой остался, и повез в город фотографировать. Когда карточку сделали, взял он ее да как разревелся. Мы тогда впервые видели, как батя плачет. Потом повесил ее здесь вот и сказал, — «Оставшиеся в живых». Мы ее так и называем. Славик потом всем нам копии сделал и выслал по городам и весям.

Глава 1

Старая, измученная войной кляча, тяжело плелась по утопанной пыльной дороге, не внимая гиканью белокурого голубоглазого парня, сидящего в телеге. Серая степь выпрыгивала из-под ее колес и мрачно расстилалась по необозримому пространству. Налитое свинцом небо давило своей массивной неподъемностью, предвещая бурю. Седок заметно торопился, но, отчаявшись и набравшись безразличия у лошади, улегся в телегу и запел:

*Степь да степь круго-о-ом.
Путь дале-е-ек лежи-и-т.
В той степи-и-и глухой
У-умирал ямщик.*

Небо прорезала молния, началась гроза. Ветер усиливался. Старая кляча даже ухом не повела.

— Ну и хрен с тобой, — выругался малый, — на войне смерть не взяла, а здесь в бурю погибну? Ничаго, выживу. И не такое бывало...

Взяли тогда белые в оборот, окружили, перерезали, как кур. И его в грудь пырнули. Начал кровью харкать. Да бабка какая-то местная выходила. И от белых прятала и на ноги поставила и вывела из деревни. А он даже не помнит, сказал ли ей спасибо. Да что спасибо, даже имени не спросил и лица не узрел: много таких божьих одуванчиков. Набрядла война, домой хочется. Землю пахать. Хату бы выстроил. Женку б завел. Жил бы мирно спокойно. Сейчас пустили на все четыре стороны, а поехал какого-то родимца искать, да заблудился. Вот и блуждает теперь по степи.

Вдруг кляча остановилась. Парень увидел на дороге издыхающую лошадь, не выпряженную из телеги, в которой сидели изможденная женщина и куча малолетних детей. Хозяин на корточках лазал под телегой и чертыхался. Рядом стояла растерявшаяся девушка лет шестнадцати.

— Маруська, — заорал мужик, чо стала? Распрягай!

Та подошла к кобыле, но этим все дело и кончилось. Тогда парень кинулся на помощь, привычными движениями распряг павшую лошадь и, смекнув про себя, что семейство голодное, прирезал животное.

— Ну чо с энтой девки взять, одно слово — белоручка. Навязалась на нашу голову, — отряхиваясь от грязи, ругался мужик, — дождем, как назло зарядило, хоть буря стороной пошла и то хорошо. Откель взялся тута, добрый молодец?

— Заблудился, — заулыбался парень.

— А еще краснай! Гля, звезду нацепил! Ну! Слушай, паря, до ближнего села версты три будить. Дойдешь ведь. А нам кобыла нужна. Отдай, а?

— А ты кто такой есть?

— Мужик я, ай не видишь. А они то чем виноваты? — указал он на телегу. Продрогшие, безмолвные дети во все глаза наблюдали за происходящим, и эта их тихая

покорная обреченность поразила хлеще молнии. И казалось даже, что обезумевший дождь так же безмолвно хлестал непокрытые головы, безмолвно повисая на носсах малышней соплями, безмолвно стучали, не попадая друг на друга, зубы.

— Сколько их у тебя?— освободившись от оцепенения, спросил парень.

— Девять, да все девки. Вот еще десятую Бог послал,— указал он на белоручку.

Девочка потупилась. Но взгляд непримиримых черных глаз успел поразить парня. Кровь прилила к голове.

— Слушай. Я тебе лошадь, ты мне девку.

— Ты чо, рехнулся? Она ж барских кровей. Грех большой,— мужик перекрестился.

— Нет сейчас никаких кровей, все равные. Отдай девку.

— Мало вы девок поперепоганили, дьявольское отродье! Пошел вон! Тьфу, нечистая!

— Отдай девку! — парень замахнулся.

— Отдай, батя,— вдруг заговорила Маруся, все так же глядя исподлобья,— ничего он мне не сделает.

— Молчать, баба! — заорал мужик.

— Ладно, забирай кобылу,— отступил парень,— куда идти-то до деревни?

— Тудыть вон. Там самый раз ваши голодранцы добычу делять,— объяснял мужик неожиданному помощнику. Вместе они разрубили тушу лошади, запрягли клячу.

— И ента-то не надолго,— посетовал мужик.

— А у тебя баба чо не проворит, полоумная? — вдруг спросил парень, не выдержав бездвиженной тишины многочисленного семейства.

— А-а-а. Досталось ей от вашего брата. Ничо, отойдет, коли выжить.

— А куда поедешь?

— А тебе яко дело? Могилу искать в чистом поле!

Парень, не мешкая, подмигнул Марусяке и, оказавшись рядом, шепнул:

— Пойдешь со мной?

— А не обидишь?

— Неа.

Девка залилась краской.

Парень схватил ее за руку и повел в том направлении, куда указал мужик.

— Стой! — услышал он сзади,— в енту деревню не води ее, убьють. Тамо знают кто она! Обходом иди, в тую сторону, авось пронесеть! Береги девку! Мертвым достану! Слышь?! — орал вслед мужик. Его голос становился все глуше и глуше за крепкой стеной усиливающегося дождя.

Глава 2

— А куда мы едем?

— Э, Манька, куда глаза глядят.

— Не называй меня Манькой,— опустив глаза, потребовала девка.

— А-а-а! А мы гордые,— свистнул парень.

— Какие есть,— отрезала Мария, улавливая в темноте дыхание лошадей.

Позавчера ночью поезд, немного отъехав от станции, вдруг резко затормозил и встал, стоит до сих пор. С большим трудом удалось им напроситься в пассажиры. Пыльный, пропахший сеном и конскими испражнениями вагон зиял огромными щелями между досок, сбитых, по-видимому, наскоро. Ветер продувает насквозь. Руки ноют, напоминая парню, какой опасный груз он на себя взвалил, поддавшись минутному влечению. Девка сначала возьми и заболей. Пришлось потратить целых три дня, чтобы у нее спал жар. Хотел было оставить в деревне, да не стали местные с нею

связываться, красных бояться... И повоевать за нее пришлось. Доказывая своим же, красным, что не та она, за которую ее принимают. Бился вслепую. Барская кровь, да барская кровь, а с какой стороны барская — непонятно. И она молчит.

— Маш, может, скажешь, кто ты такая-то, зря я, штоль, через тебя натерпелся?

— Человек.

— Я это слышал! Из какого роду-племени?

— Сейчас все одинаковые.

— Все-то все, а ты-то откуда?

В ответ — тишина...

Сквозь навалившуюся дрему парень услышал стук колес, смешанный со всхлипываниями.

«Жалко дуреху»,— подумал он.

— Чо реवेशь, поехали уж. В другом краю о тебе знать никто не будет, авось поживешь еще.

Так и ехали. Кормили лошадей, подтягивая пустые животы, зарываясь в сено от холода.

Очередная болезнь Марии вынудила сойти на первой попавшейся станции. Да и какая разница, где сходить? Ехать было некуда. Родителей Петька потерял еще в детстве. Вырос мальчиком на побегушках. Знает, что много их в семье было. Знать-то знает. А ведать о них, не ведает. Одно слово — сирота.

Глава 3

— Ой, милок, баба у тебя бестолковая. Где такую откопал? — причитает хозяйка,— корову доит, усе молоко в сиськах оставит.

— Ничего, бабуля, научим, и не таких жизнь на место ставила,— отшучивается Петька.

— Этакой парень, работяга, а такую неумеху взял, хлебнешь горя с нею.

— Ниче, справимся.

Поселились у бабки Настасьи. Бабка жильцам обрадовалась. Все не одна. От ее дома до следующего верста будет.

— Усю жизнь батрачила. Уж потом барин смилоствился, нянькой приставил к барчонку,— говорила бабка Настя,— а своих Бог не дал...

Так и стал Петька бабке Насте вроде сына. Избу починил, колодец поближе к дому вырыл... В колхоз вступил. Мария оказалась покладистой и упорной. В три месяца одолела науку животноводства, так что и корову доила, и овец стригла, и птицу потрошить выучилась, огород осваивала. Только вот молчала все.

— Гордая она у тебя, ох, Петро,— бывало, говорила бабка Настя,— за весь день ни слова, как воды в рот набрала. А голову-то как носит! Как царица какая!

— А ты, баушка, помягче с нею. Поди, ворчишь все.

— А то глядеть буду, как она рогачом-то махает, того гляди перевернуть все, неумеха.

— Баб Настя, не в службу, а в дружбу, научи мою женку похлеб варить.

— Еще чаго, ентому сами научаются смалу. А коль неумеху взял — сам и учи. Не подпущу к печи,— ворчала бабка Настя,— пускай скотиной займатся...

— Петька ухмылялся и отшучивался.

— Ты, мой принц,— говорила Мария перед сном.

— Какой я те принц,— смеялся Петька,— голодранец без порток.

— Нет, такой, как ты, без порток не останется.

— Хорошая ты Машка.

Через год Петр держал на заскоружных от работы руках первенца.

— Ой, Маш, возьми, не мужичье это дело, пушай хоть подрастет, штоли. Звать-то как будем?

— Анной,— заулыбалась Мария.

— Это че ента, бабу распустил, сам называй! — вмешалась бабка Настя.

— А это, уж наше дело, Анна, значит Анна,— отрезал Петр.

В маленькой Анютке души не чаяли.

— Нюрка-то вся в мать. Чернявая, да капризная,— ворчала бабка Настя.

— Не Нюрка, а Анечка,— возражала Мария.

С рождением ребенка она похорошела, поправилась. Работать в колхоз Петр жене не пускал, объясняя всем, что баба должна заниматься домашним хозяйством, хотя причина крылась не только в этом. Боялся он, что крестьяне заметят в Марии чужеродность. Бабка Настя молчала, не в ее правилах выдавать чужие тайны, это Петька приметил сразу. Другие молчать не станут. Так что жила Машенька в заточении у бабки Насти, тихо, без лишних слов управляясь по хозяйству.

— Ты, Маруся, как и не баба вовсе,— заметила как-то та.

— А как кто?

— Да что за баба без языка? Все молчком... А так вот светлее как будто от тебя стало.

Глава 4

Деревня постепенно укрупнялась, со всех сторон появились соседи. Мария была вынуждена идти в колхоз, оставляя Анютку на попечение бабушки. Второго ребенка родила на колхозном поле при вязке снопов, раньше срока. Приплелась домой к ночи, завернув почти безжизненное тельце в передник. Маленькая Анютка, увидев истекающую кровью мать, подняла крик и спряталась за широкой бабкиной юбкой. Петр, весь вечер проискав жену в поле, вернулся следом.

В отличие от здоровенькой толстушки Анюты, новорожденная, пролежавшая на печке, без признаков жизни, вдруг замяукала. Мария неистово бросилась выхаживать малютку. И на работу больше не ходила.

— Пусть убьют, а дите не оставлю! — заявила она мужу.

— Не убьют. А ты теперь настоящая крестьянка, в поле рожаеть,— попытался посмеяться Петр.

— Я теперь мать,— глаза Марии налились яростью.

— Какая же ты красивая! МАТЬ.

Через год, в лютый январский мороз родилась Танечка.

— Опять девка? — поинтересовался Петр. Девка ответила ему непрекращающимся двухчасовым ором.

— От так, батя, пока не признаешь дите, будить орать,— смеялась бабка Настя.

— Признал, признал, ишь, какая, вся в меня, горластая.

Петр осознавал, что растущая семья скоро не поместится в маленьком домишке бабки Насти.

— Ну чо, бабушка, томит тебя мое семейство беспокойное?

— Христом Богом прошу, не уходи никуда!

— Бабушка! Да дом строить буду.

Деловитый, трудолюбивый и, что немаловажно, общительный Петр с домом справился быстро, добротный пятистенок был отгрохан.

— Ну что, девки мои, пожалуйста в дом!

— Принц ты мой,— радовалась Мария.

— Да какой я принц,— дурачился Петр,— обыкновенный работяга.

Первой по высоким ступенькам поднялась пятилетняя Анечка. Худющая, белесая

Тоня гордо восседала у бати на руках, так как к великому огорчению родителей, дожив до трех лет, ходить еще не научилась. Сзади, держась за мамину руку, моргая голубыми отцовскими глазами, семенила двухлетняя Танечка. Бабка Настя не пошла, сочтя переезд семьи предательством.

— Это вот сени, это вот горница, тут будет баба Настя жить...

В новом доме пахло смолой... И новой жизнью. Баба Настя не выдержала, пришла и привела корову в новенький сарай.

— Как дитям без коровы, пока справишь, жисть пройдет, — запричитала она. — А как Марусеньке без бабки Насти? А ты, миленькай Петро, хоть загородку какую у сарая сделай, курей кудыть пускать?

Дом и двор благоустроивали всем миром. Соседи в стороне не остались, помогали. Петро уже не боялся за Марию. От крестьянской чужеродности не осталось и следа. Разве что разговор грамотный да красивый и гордо поднятая голова. Этого не отнимешь.

Глава 5

— Чо ты мне все баб приносишь? Хоть бы одного мужика родила! — возмущался Петр, когда узнал, что четвертая — опять девка.

— Значит Господу так угодно, — защищала Марию бабка Настя.

— Бог этот ваш — сказочки для дураков.

— Не смей! — злилась бабка Настя. — Есть Господь, накажет тебя, окайного.

— Не надо, Петя, не сердись, дети на заказ не рождаются, — говорила Мария.

— Не рождаются, — согласился Петр.

Девочку, по настоянию бабки Насти, назвали Евдокией.

— На кой ты, Маша, ее Дульсинекой кличешь, по-ненашенски, — недоумевала бабка Настя.

— Так получается, — улыбалась Мария.

В этот же год пришла в дом радость: Наконец-то пошла Тонечка. Сначала неуверенно держась за стену, опираясь на правую ножку и с трудом подтягивая левую.

— Не работаить другая нога, — причитала бабка Настя.

И действительно, левая нога оказалась тоньше и короче правой. Но ребенок настойчиво овладевал нелегким искусством ходьбы. Падая, поднимаясь и снова падая, Тоня преодолевала свой природный недостаток, и начала-таки ходить без поддержки.

— Труженица моя, это ж герой, спореет солдата всякого, — наблюдая за Тоней, удивлялся Петр.

Анечка с первых дней отчуждалась от Тони, играясь с Танюшкой. Толстая, жизнерадостная Танюха веселила всех в доме, будучи всеобщей любимицей и, прежде всего, отца.

— Все чернявые, в мать, а это моя, голубоглазая, лупоглазая, — говорил Петр.

— И эта твоя, — указывала баба Настя на белобрысую Тоню.

— Моя-то, моя, а норав не мой, капризная.

— Да больная она, потому и капризная, — защищала ребенка Мария.

С рождением Дуси, пригляд за Танюшей осуществлять пришлось шестилетней Анечке, а Тонечка перешла под наблюдение бабы Насти. Однажды Аня подговорила Танюшку, чтобы та побила Тоню. Танюшка пошла и выполнила задание старшей сестры. Мать, увидев и поняв, что к чему, взяла прут и, впервые в жизни, отхлестала Анюту.

— Нельзя так делать, они сестры тебе! На всю жизнь запомни! Нельзя больную Тоню обижать! Нельзя хорошую Танюшку портить! Не носи в мир зло, его и без тебя достаточно! — выронила прут, села на пол и заплакала.

Анечка, не ожидая такого поворота событий, оторопев, большими черными гла-

зенками уставилась на мать. Стояла минуты две, не шелохнувшись. Потом резко развернулась и пошла в загон, где баба Настя кормила кур.

— Баб, а кто такая Зло? — спросила Анечка.

— Чего, зло? — не поняла баба Настя.

— Да! Мама меня побила и про Зло сказала, а сама плачет.

— Матка побила?! Ня может быть! — изумилась бабка Настя.

— Да, потому, что Танюшка Тоньку побила.

— А, ента правильно, не углядела Танюху, зло и получилось. Нельзя Тоню обижать. Тонька — Божье дите, грех большой обижать калеку, а она еще и сестра тебе. Вот и сама не трожь, и Танюхе не давай. Добро тады и будить. Помогайте Тонюшке, за это Господь вознаградить.

В это время Мария уже кормила Дусю, а Тонечка и Танечка мирно играли рядом. Анечка с тех пор не отходила от бабы Насти, к семи годам научившись не только месить тесто, печь хлеб, но и доить корову.

При появлении пятой дочери, отец семейства махнул рукой. Пришел, поглядел, назвал Зиной и пошел снова работать. Анютке наступила пора идти в школу, но Мария воспротивилась:

— Как можно такую маленькую отпускать за три версты? Сама учить буду.

И учила. Девочка оказалась медлительной, но старательной, так что читать научилась быстро. Труднее давалась арифметика, но, благодаря усидчивости и добросовестности, к девяти годам она одолела и счет. В школу Аня пошла только одиннадцати лет, когда подтянулись младшие сестры. Тоне было девять, Танюшке — восемь. Только сейчас Мария решила отдать детей в школу, уверенная, что неблизкая дорога не так опасна для троих, тем более для хромой Тони. Утром девочки уходили вместе с другими ребятами, вечером возвращались. Учились в одном классе. Спокойная строгая Аня стала лучшей ученицей в классе. Ей предлагали перейти во второй класс, но Анечка не захотела оставлять сестер. Тоня училась старательно, но не столь упорно, как Аня. Была готова бросить все, чтобы поиграть с детьми на улице. Хромоты своей она никогда не стеснялась. Трудилась всегда наравне со всеми. Татьяне же учеба давалась легко. Она никогда не корпела над уроками. Общительная, разбитная, сразу приобрела репутацию заводилы. Марию не раз вызывали в школу, ругая за Танькины проделки. Но Танюха и в ус не дула, продолжая свое. Такая уж она была. Долго не могли научить Танюху доить корову. Растопырит пальцы, а сжать в кулак не может.

— Э-э-э, — вздыхала бабка Настя, — бестолковая девка.

— Нет! — возмущалась Таня. — Не бестолковая!

— Токо учительницу мучить и уметь, да с ребятами по деревне гонять.

Тем не менее, корову Танюха осилила, куда было деваться. Только мизинец на правой руке оттопыривался в сторону. Анютка с Тоней подтрунивали над сестрой. А той того и надо: отшутилась, вволю насмеялась — и за свое: шалости.

А в семье один за другим рождались дети. Вслед за Зиной родилась Аленка. Петр уже не возмущался. Как есть, так и есть.

— Баб, а ты чья мама, батина или мамина? — однажды спросила вездесущая Танюха.

Баба Настя растерялась, не зная, что ответить.

— А я знаю, батина, да?

— А хто знает, может и батькина, а может и маткина, не припомню.

— И батина, и мамина, — вмешалась Анюта, — мне так мама сказала.

— Так не бывает, — заупрямилась Танюха, — Если баба их матка, то они брат с сестрой, а у брата с сестрой дети больные бывают, и они не похожи — батя белый, а мама черная.

— Батя говорил, что он матку в степи нашел и привез сюда,— разрешила проблему подошедшая Тоня.

— Не матку, а маму, услышала бы она сейчас, что Тонька ее маткой называет...— возмутилась Аня.

— Значит, батина,— решила Танюха.

— Батькина,— подтвердила баба Настя,— ай и matka ваша мне как родное дите.

— Мама,— поправили девочки.

— Няхай, мама,— согласилась бабка Настя.

Однажды баба Настя не смогла встать.

— Душить, Машенька, чегой-то, вот тут, как будто ворочается кто,— указывая в область груди, жаловалась баба Настя.

— Полежи, бабушка, может, полегчает. Сейчас Петру скажу, пусть за доктором съездит.

— Какой уж дохтур, милая, старая я уже. Енто смерть моя на груди сидить.

Баба Настя пролежала с неделю. Дождалась шестую внучку, которую в честь нее назвали Настасьей, да умерла. Просила перед смертью позвать батюшку, чтоб грехи отпустил, да где ж его найти было?!

Опустел дом без бабы Насти. Даже малыши присмирели, видимо что-то и им передалось от обступившего общего горя. Еще долго казалось, что рано утром скрипят половицы от бабы. Настиных шагов, да гремят чугунок... Поблекли стены, почернели окна, потемнело в горнице... Нет бабы Насти.

Глава 6

Долго горевать по бабке Насте не пришлось. Не ходит беда одна, не ходит... Анютка, став главной помощницей матери по дому, опрокинула на себя чугунок с горячими щами. Рот разинула и даже закричать не смогла. Мария в это время была на сенокосе, а Тонька, оставленная присматривать за младшими, растерялась. Побегала к матери в поле. Бросила всех, малыши-то мал мала меньше, а Танька матери на сенокосе помогала. Хорошо, что Дуська, будучи не трусливого десятка, сняла чугунок с сестриной груди, обтерла ее мокрой тряпкой и сметаной обмазала. Откуда она узнала, что так надо, никому не известно, в том числе самой Дуське. Тонька-то, пока доковыляла до матери — полдня прошло. Когда Мария прибежала домой, увидела на полу у печи Анютку. Подумала, что умерла старшенькая. Перетащила на кровать. Тут и Петр подошел... Поднял на уши всю деревню. Запрягли лошадь да в город за доктором послали. Доктор посмотрел девочку, сказал, что жива. Шок у нее болевой. И Дуську похвалил за находчивость. А Дуське назавтра в школу нужно было идти первый раз... Не пошла. С полгода просидела с Анюткой. Выздоровливал Анюта трудно, долго. Много раз врач приезжал, мази выписывал. Сначала все тело волдырями пошло, а потом все мокло и гноилось. Живого места на ребенке не было. Так и остались струпья от ожога и лицо не пощадили.

Корма в этом году для коровы заготовили мало. Боялась теперь Мария девок одних дома оставлять. А Петра не хватало: и в колхозе, и дома... Что успели за лето, то и было. А в дождливое лето-то, много ли схватишь. Так и узнали в эту зиму Сидоровы, что такое недоедать. Тощая корова, дожила-таки до весны, вышла на первую траву. Пошло все своим чередом. Анюту сначала к печке не подпускали. А подпускать — не подпускать, жить-то надо. Не успевала Мария управляться с многочисленным хозяйством. Еще Аленка очень беспокойная. Ночи напролет кричала, так что все семейство не высыпалось. На что Петр терпелив, а и у того нервы не выдерживали. Дерганый стал. Что не по его, скандалы учинял. Стал домой являться выпивши, а то и совсем ночевать не приходил. Плакала Мария, а что сделаешь, детей поднимать надо. Как-

никак семь ртов, с восьмым на сносях. Главной помощницей теперь Танюха стала. Смелая, проворная. Быстро справлялась по дому. Хлеб пекла не хуже матери. За чистотой следила, малышей в строгости держала. Одно плохо — никак с коровой не ладила. Подоить — подоит с горем пополам, а то молоко корова разольет, то ногу в подойник поставит, а то и рогами Танюхе наподдает. И погулять возможности Танюха не упускала. Короче, к корове и овцам приставили Тоньку, за курами и поросенком ходила Зинка, с больной Анютой управлялась Дуська, заодно за Аленкой и Настенкой присматривала. А Марии везде успевать приходилось, в том числе и в колхозе работать и корм домашнему скоту заготавливать.

Посреди зимы родилась еще одна девочка. Петр даже глядеть не стал.

— Пусть Машей будет, как мама,— сказала Анюта.

— Пусть,— безразлично ответила Мария.

Анюта с первых дней заботы о маленькой Машеньке взяла на себя. Когда была жива бабка Настя, все было как-то радостно, легко. А с ее смертью все как будто треснуло. Отец стал другим человеком — грубым, непочтительным. Бывало берег мать, лишний раз рукой взмахнуть не давал, слушал ее во всем... а теперь... Только что не бьет, как соседские мужики. Нецензурно орет, всегда обвиняет в своей недавней жизни.

Как-то пришел пьяный, уселся в прихожей на лавку и долго смотрел, как Танюха у печки орудует.

— А уже невеста выросла, глядь! — вдруг увидел он.

— Это тебе с пьяных глаз кажется,— огрызнулась одиннадцатилетняя Танюха.

— Да как ты смеешь, погань такая, отцу перечить! — заорал Петр.

— А как ты смеешь пить, когда у тебя столько детей... Мама все время плачет.

— Счас я тебе покажу, как с отцом разговаривать надо!

— Покажи!

Слово за слово, Петр ударил дочь по лицу, та, не оставшись в долгу, угостила родителя рогачом по заднему месту. Услышав шум, прибежали остальные девочки, накинувшись на отца, отлупцевали как следует, и в страхе разбежались.

Когда вернулась Мария с подойником в руках, обнаружила в доме, только Петра. Он сидел на лавке, обхватив руками голову. Мария, как всегда, промолчала. Спихватилась, когда спустились сумерки. «Ладно, большие гуляют, а малышей-то куда таскают»,— нервничала она.

— Вставай, горе луковое, детей искать надо,— обратилась Мария к мужу.

Петр послушно встал:

— А это, ведь, я во всем виноват.

— В чем виноват?

— А девки набросились на меня, побили и ходу из дома.

— Как? — всплеснула руками Мария.— Вот так просто набросились и побили?

— Нет, не просто, перегнул палку. Маш, прости, прошу тебя.

— Пойдем искать!

У калитки они встретили хозяйку соседнего дома тетку Катерину Вяткину.

— Слухай, Маш, девки твои домой боятся итить,— затараторила та.

— Они у тебя?

— У меня сидять, да все и с малыши.

— Малая-то наверно, криком изошла,— забеспокоилась Мария.

— Не-е-е! Ну чо ты. Нюрка твоя взяла у меня с подойника только с под коровы, да ухитрилась как-то, накормила.

Пока бабы разговаривали, Петр, поняв, в чем дело, без стука появился в вяткинской горнице.

— А ну, девки, айда домой,— весело скомандовал он.

Девочки притихли, во все глаза уставившись на отца. Одна Настена, с криком «Батя пришел!» бросилась к нему в объятия. Петр сел на корточки, обняв дочь, глядя по чернявой головке.

— Девки мои, простите меня, дурака. Обещаю, больше пить не буду.

Мария наблюдала за происходящим, прислонившись к косяку двери горницы. Девчонки, как по команде собрались вокруг отца. И только Анюта с Марусенькой на руках жалась в угол.

Мария глазами подозвала ее к себе, та подошла.

— Ты чего, Анюта?

— Да что-то не верится,— ответила Анюта.

— А я ему верю, вот увидишь, не будет пить.

И точно, жизнь вошла в свою колею.

Глава 7

— Что-то, Маш, не по себе мне,— признался однажды Петр,— душа вся выворачивается.

— Что стряслось? — забеспокоилась Мария.

— Да понимаешь... Гляжу на девок, радуюсь. Какие проворные да красивые! А скребет чего-то, сам не пойму.

— Устал ты, Петруша, отдохнуть бы тебе!

Некогда было Петру отдыхать. Работал, не покладая рук. Активист в колхозе, передовик. Семья на нем. Да был у Петра недостаток — страсть к пению. На возу сидит — поет, сено кидает — поет... Смеялись деревенские: «Петро наш опять петухом заливается». А то, бывало, соберет своих девок, и поют хором, да не просто, а на два голоса.

— Маш, присоединяйся,— звал он жену. Мария отмахивалась. Некогда, по хозяйству все хлопочет. Да знает, что Петра осадить маленько надо: увлечется, и про дела все забудет, и от девок помощи никакой... Мало того, еще из еловых досок балалайку сколотил. Как начнет тренькать — девки в пляс и он довольный, знай себе, наяривает. А Мария сердилась.

— Скоморох выискался,— ворчала она,— о таком ли муже я мечтала!

— А о каком мечтала? — веселился Петр, не переставая тренькать.

— Уж точно не о балалаечнике. Хоть бы еще твоя балалайка в ноты попадала... Уши в трубочку сворачиваются!

— Ничего, развернем,— отшучивался Петр, подмигивая дочерям.

Так вот Петр и отдыхал. Редко удавалось посидеть потренькать да попеть. Зато после работа спорилась, и девки, как будто, дружней между собой становились...

Глава 8

— Вот и дотренькались,— сказала Мария, посадив мужа в вагон вместе с другими мужиками,— береги себя, Петенька,— крикнула она вслед уходящему поезду. Восемь его дочерей помахали руками, девятая Шура спала в люльке дома.

Бабы кругом плакали, причитали. «Война, вернутся ли?». А у Марии слез не было, не плакали и девочки. Не верилось...

А поверить пришлось, когда оказались в оккупации. Все погрузилось в оцепенение от бесконечного горя.

Угнали Анну и Татьяну в Германию. Антонину отпустили по причине природной хромоты. Дуську оставили, маленькая еще. Не было слез, было горе, не расхлебашь. И было ли когда плакать? В доме теперь немцы жили. Сначала вперлись, расположи-

лись. Так, что деваться было некуда. Потом пожалели, что ли. Пришел полицай Ванька, свой же, деревенский, приказал перегородку сделать. Чтобы две половины в доме было — одна немцам, другая Сидоровым. Кирпичей привезли. Перегородку в один день соорудили сами девчонки и Мария. А немцы с другой стороны дверь сделали. Все спокойней стало.

— Мам, а ты совсем-совсем не переживаешь? — как-то подластилась Дуська.

— Да что же ты говоришь такое, — только и сказала Мария.

А в соседней половине дома появилась девушка, вроде служанки у немцев. С ее приходом лишились Сидоровы пса Полкаши, который восемь лет служил верой и правдой, оберегая дом от непрошенных гостей. Когда немцы пришли в дом, Дуська увела собаку, прятала, как могла, пока собака не сообразила, что вести себя нужно тихо и мирно. А тут, как девушку Полкаша увидел, так и кинулся на нее. Визжал, лапы ей на плечи, да лицо облизывать. Немец один возьми, да и выстрели. Заскулил пес, захрипел... Не стало Полкаши.

Странная была эта девушка с огромными голубыми глазами. Все лицо в подтеках и синяках, очень худая, лысая. Она приходит на Сидоровскую половину, молча протягивает ведро для молока, корзину для яиц, забирает тушу забитого барана и молча уходит.

Глава 9

Однажды пятилетняя Марусенька увидела, как немец жестоко избивал девушку в загоне для скота, и кинулась к ней. Немец отшвырнул ребенка к сараю. Мать прибежала на помощь Машеньке, но было уже поздно. Девочка ударилась об угол сарая виском и лежала неподвижно, упершись в небо удивленными глазами. Мать, прижавшая к себе мертвое дитя, отчаянно плакала, пока немец не выстрелил. Так в один день Сидоровы потеряли сразу двух Марий. Никто из сестер не смел зайти в загон, пока немец избивал девушку. Когда он все-таки ушел в дом, бросив полуживую жертву, было уже темно. Но никто не решался придти на помощь. Только куры в сарае слегка возились на насесте, да вздыхала корова. Усилился снегопад, подул сильный ветер. Погода менялась, начинался буран. Тоня и Дуська не выдержали. Открыли запор загона, вошли. Девушка так же неподвижно, свернувшись калачиком, валялась на боку, уже полностью засыпанная снегом. Рядом с сараем виднелся бугорок наметенного снега, оголив черную копну волос мертвой матери, прижавшей к себе мертвого ребенка. Что было делать? Тщетно пытались девочки отделить Машеньку от матери. Всем миром притащили старую телегу, взвалили на нее двух Марий. Раскопали тайник, в который в начале войны прятали вещи. Вытащили оттуда все, опустили трупы и накрыли одеждой, находящейся в тайнике. «Зачем это все, когда больше нет ни мамы, ни Машеньки», — буднично произнесла Тоня и взялась за лопату. Кое-как присыпали все это промерзшей землей вперемешку со снегом и собрались в дом.

— Тонь, а с той, что делать? — несмело спросила Зина, указывая на загон.

— А что делать?! В дом взять? — обзлилась та. — Перестреляют всех нас, как собак! А как жить без мамы, — вдруг зарыдала Тонька и упала носом в снег. — Как? Как?! Как?!!!

— Тонь, гляди, а она стоит и на нас смотрит, — задыхаясь, закричала Зина.

— Тише ты, тащи ей отцов тулуп.

— Но... Он же отцов, — запротивилась Зина.

— Тащи, тебе говорят! — строго приказала Тонька, поднимаясь на ноги. Зинка, послушно поплелась к дому. В сенях она запнулась и упала. На помощь ей пришла Дуська.

— Иди в дом, сама снесу.

Дуська взяла неприкосновенный отцовский тулуп, смело подошла к загону и протянула несчастной. Та сначала отрицательно покачала головой, но Дуська вплотную подошла к девушке, накинула ей тулуп на плечи, застегнула на верхнюю пуговицу...

— А ты и босая,— удивилась она,— на, и скинула с себя валенки. Они дырявые, это Танькины. Ее немцы угнали, одевай!

Девушка стояла молча, изредка всхлипывая.

— Не плачь,— приказала Дуська,— у нас маму убили и Марусеньку, видишь, я не плачу. А это больнее. Понимаешь? Лучше бы меня били, больно-больно, сильно-сильно, но была бы жива мама, и мне бы было не так больно...— Дуська закрыла лицо руками.

— Пошли, дура,— схватила ее за руку Тонька и повела в дом. Девушка неподвижно стояла и смотрела им в след. Потом надела валенки и, шатаясь, поплелась к вражеской половине.

Зинка валялась в сенях.

— А ну, вставай! Разлеглась! — недовольно проговорила Тонька.

Ответа не последовало.

— Зин, ты чо? — наклонилась Дуська.

Девочки взяли расслабленную Зинку под руки и ввели в дом. Младшие дети мирно посапывали на печке.

Уставшие девочки не смогли затащить Зинку на печь, поэтому уложили ее возле спящей Шурочки в материнскую кровать.

Глава 10

Тоня, проворочившись всю ночь, забылась только под утро. Проспала. У нее была обязанность — доить корову и большую часть молока отдавать немцам. Все следы прошедшей ночи были засыпаны снегом. «Как будто ничего не было!» — подумала Тонька, «Только мамы с Машенькой нет». Но думать было некогда. Нужно было доить корову. Иначе «соседи» могут убить. Открыв калитку загона, она увидела, что в сарай от противоположной калитки протоптаны следы. Тоня испугалась, хотела идти назад: «А вдруг собрались отобрать корову? Как у соседей Вяткиных? Тогда все, не выжить». Но услышала, как струйки молока ударяются о дно подойника. Она робко приоткрыла дверь и увидела, как девушка доит корову, оттопырив в сторону мизинец правой руки.

— Э-э-э! — протянула Тонька и осеклась.

Девушка повернула голову с изуродованным лицом и, передернувшись от боли, снова отвернулась. Подоив корову, она встала и молча протянула подойник Тоне. Та отступила. Тогда девушка подошла вплотную, вырвала из рук растерявшейся Тони пустое ведро и вылила туда большую часть молока.

Вернувшись в дом, Тонька застала Зинку у печки. Та деловито орудовала ухватом.

— Ты чо делаешь, я еще печь не затопляла,— удивилась Тоня.

— Тулуп отцов, там, сгорел. Что теперь будет? — водила Зинка испуганными глазами.

— Ты что, белены объелась? Какой тулуп? Забудь!

— У ней вроде жар,— свесилась с печки белокурая Аленкина головка.

— Ну-ка! — Тонька схватила Зинку за плечи и повернула к себе, марш в постель, мне тут еще смертей не хватало!

— А бацька бранить будет, приедет, тулупа нет,— послушно семена за Тоней, причитала Зинка.

— Про тулуп спросит, а про мать с Марусей не спросит?! И про Аню с Таней не спросит?! — закричала Тонька, — тулуп дороже родных тебе да?!

— Не ругайтесь, пожалуйста, — заплакала с печки Дуська, — ничего уже не сделать. Тонь, можно я полежу сегодня, все кости ломит.

— Лежи, если сможешь. Аленка, возьми Настю, топайте за дровами. За санями к Вяткиным зайдите.

— А почему?.. — хотела было возразить Аленка.

— Без вопросов! — закричала Тонька. — Тащите, сколько допрете!

— А мама? Она не за дровами ушла? — не унималась Аленка.

— На небеса мама ушла, с Марусей вместе, — грубо ответила Тонька...

Алена с Настей молча спустились с печки, начали одеваться.

— Аленка, валенки мои оденешь. А ты, Настя, возьми Марусин платок, повяжи под свой. Ночью буран был и сейчас дует. Да не так, на лоб завязывай.

— Зинка, тево лазлеглась? — послышался с кровати слабенький голосок Шуры.

— Дусь, ты хоть Шурку сможешь одеть? Напои ее молоком, я пойду картошки наберу, — распорядилась Тоня и вместе с Аленкой и Настей вышла за дверь.

Глава 11

Машенька, дорогая моя, девчонки Анюта — не будь люта, Тонюшка — солнушка, Танюха — длинное ухо, Дусенька — хлопотусенька, Зинка — корзинка, Аленка — капризенка, Настенка — веселенка, Марусенька и Шурочка — младшенькие, здравствуйте!

Пишет вам ваш батя непутевый. Машенька, прости меня окаянного, что молчал долго...

Глава 12

К Сидоровым стал навещаться полицай Ванька. Узнав, что мать погибла и дети остались одни, он предлагал сотрудничать, чтобы младшие дети высматривали партизан и докладывали ему, Ваньке.

— Мужичье самодурное, — поразвяжут войн, а невинные женщины и дети отдувайся, — ответила Тонька.

— А ты, девка, права, — неожиданно согласился Ванька, — может, замуж за меня пойдешь? Все легче будет.

— Да на кой мне этот «замуж». Этих бы детей вытянуть. Неужто ж еще плодить стану. Подумать тошно.

Ванька почему-то отстал. А через несколько дней, Аленка с Дуськой притащили с немецкого склада мешок муки, сказав, что дядя Ваня дал. Тоня ругалась, запрещая девочкам впредь что-то брать у немцев. Но, еще через несколько дней, Зинка утатила у немцев бочонок варенья, как следует, получив плеткой по спине.

— Сейчас ты и от меня получишь, полоумная! — ругалась Тонька. А в душе была рада и муке и варенью, потому, что есть было уже совсем нечего, а маленькая Шура все больше худела и слабела. Благодаря этим припасам, прожили зиму и весну. Наступили совсем голодные дни. Немцы заметили, что их служанка помогает семье, высекли ее. А молоко и яйца стали забирать сами, так что детям почти ничего не доставалось. А тут еще чернявая Настя засветилась у немцев. Ее схватили и бросили в конюшню, где ждали своей участи свезенные со всей округи евреи. Когда евреев вывели на расстрел, Настю заметил Ванька-полицай, и девочку отпустили. Испуганный ребенок, проведенный три дня в конюшне, едва держался на ногах, но успел увидеть, как женщин и детей заставляли раздеваться до гола, ставили лицом ко рву и

стреляли им в спины. Выхаживали Настю все без исключения, даже маленькая Шура отдавала свой кусок, «чтобы Настена поплавилась». Настя пошла на поправку, а у Аленки начали опухать ноги. Видимо отморозила, ходя за дровами. Что только не предпринимали дети, ничего не помогало. Аленка перестала ходить. Ноги посинели. А Аленка похудела.

— У ней глаза стали, как у девки немецкой,— вдруг заметила Настя.

— Молчи! — сжала кулаки Тонька.

Однажды Шурочка увидела, что курица снеслась в загоне и, не долго думая, побежала за яйцом. Немец, стоявший за углом сарая, схватил малышку за шиворот и подвесил к торчащему из бревен сарая гвоздю. Шура закричала. Не успела Тоня оглянуться, как немецкая служанка ловко сняла девочку с гвоздя, прижала к своей груди и строго посмотрела на немца. Немец ухмыльнулся, плюнул и пошел к своему входу. А девушка, глядя по голове плачущую Шуру, поднесла ее к обезумевшей от испуга Дуське, и поставила перед ней. Подбежала Тоня, схватила ребенка и отнесла в дом, на печку. А утром Зинка нашла на пороге три яйца.

Аленка не дотянула до освобождения деревни всего лишь день. Снова шел мокрый снег. Снова был вскрыт тайник, и поверх сгнивших тряпок было заботливо уложено маленькое тельце в мешке из-под картошки.

Глава 13

«Соседи» быстро засобирались. Последняя ночь пребывания их в доме была шумной. Слышались тревожные шаги, приказы, грохот посуды. Тонька больше всего боялась за корову. Она на свой страх и риск привела кормилицу в дом. «Если убьют корову, и нам не жить». Она велела Дуське взять Шурку и уйти вглубь участка, на всякий случай, если немцам вздумается учинить над ними расправу. Но расправы не было. Дуська видела, как немцы, наскоро построившись один за другим, исчезали в лесу.

На той стороне стало тихо. Утром немецкая служанка вышла за водой. На реке они лицом к лицу встретились с Зинкой.

— А у нас Аленка померла,— зачем-то сообщила Зинка и заторопилась с ведрами вверх — на гору. Девушка вздрогнула, села на землю и заплакала.

— А эта служанка здесь осталась,— сообщила Зинка дома,— за водой пошла.

— Ну и пригласила бы ее к нам жить. Она ведь Шурку спасла,— предложила Дуська.

— Ты чо, думай, что говоришь! Она немцам прислуживала. Нас деревенские не так поймут. Живет, пускай живет. Мы ее не знаем, она нас не знает. Поняли?..— заругалась Тонька.

Глава 14

Немного позже за стенкой девочки слышали детский крик. Зинка накинула дырявый платок и собралась идти. Но Тонька не пустила.

Несколько дней немецкой девушки не было видно. А на той стороне настойчиво кричал ребенок. Тонька, украдкой от девочек, пошла туда. На грязной, залитой кровью постели лежала служанка, а рядом корчился младенец, то беря в рот, то выплевывая иссохшую материнскую грудь.

— Ты хоть бы в стенку постучала, мамаша! — наклонилась над кроватью Тонька.

Женщина слабо вздрогнула и посмотрела на Тоньку большими, выпуклыми, голубыми глазами.

— Господи, да что же это происходит?! — не выдержала Тоня,— сейчас, подожди. Подою корову, парного молока принесу.

Женщина кивнула. Тонька ходила туда каждую ночь. А Шурочка проболталась Вяткиным, что у них за стенкой ребеночек плачет. И понеслось. Что в деревне немчуренок родился.

Однажды рано утром, когда Тоня подоила корову и возвращалась в дом, увидела у калитки застывшую фигуру. Это была соседка. Войдя в калитку, она упала на колени и протянула Тоне сверток с ребенком.

— Ты чего? — удивилась Тоня.— Чего тебе не лежится, слабая еще. Взяла ребенка на руки и понесла в дом. Но увидев, что соседка не идет за ней, а пытается выйти из калитки, вернулась, взяла совсем ослабевшую мамашу за руку и увлекла за собой.

Ее положили на материнскую кровать, отправив Зинку и Шуру на печь. Тонька приказала всем молчать. Никому не проболтаться.

— При немцах выжили, а от своих и подохнуть немудрено,— сказала она.

— Злая ты, Тонька, стала,— возразила Дуська,— да неужто свои из-за дитя казнить начнут?

Ночью на другой половине что-то грохало. Явно кто-то там был. Женщина лежала с широко открытыми глазами и шевелила губами. Утром на той стороне Тонька нашла молоко в кувшине, яйца и детскую люльку.

Девочки женщину стали называть Таней. Молока у нее не было, поэтому мальчика кормили парным коровьим молоком. Прошло три месяца, а Таня не вставала и не говорила. Дуська заметила, что у Тани нет языка, поэтому она молчит.

— Да ты хоть помычи, мы поймем.— Но Таня не мычала. Она гладила Шурку по головке и улыбалась, а потом плакала. Мальчика прижимала к себе и тоже плакала. Однажды она пожала руку Тоньке, с благодарностью глядя ей в глаза.

— Да ты вставай, давай быстрее,— сказала ей Тонька,— не умирай хоть ты.

Таня отрицательно покачала головой и 3 мая умерла. А 9 мая война кончилась.

Эпилог

— Ну что, дом то, как тебе, ай фотокарточкой интересуешься? — полюбопытствовала бабушка.

— Интереснось, еще внимательнее вглядываясь в фотографию, ответила Анна.

Да, такую фотографию Анна уже видела. Точно видела. Уже не молодой мужчина...

— Это отец ваш? — поинтересовалась Анна.

— Да, батя, хороший человек был, работяга, да помер в пятьдесят третьем году...

— Но, ведь, с войны вернулся же?

— Долго не возвращался. Сгинул, думали. А жить то надо было. Во второй половине, где в войну немцы жили, детский дом открыли. Шурку, Славика и Настю, вот они, гляди, малые самые, хотели забрать туда. Да мы то, кто постарше — Тонька вот, Дуська, вишь, эта вот, косматая, и я ни за что не отдали. И как же было отдать, родные крошки. Тогда жить их у нас оставили, а завтракать, обедать и ужинать туда бегали. А у нас корова была, вот и носили туда свое молоко. А детей-то привозили кого откуда. Голодные, грязные, больные. Много уже здесь поумирало. Еды на всех не хватало. Наше то молоко и выручало. Это уж потом стали давать кое-какую одежду, а так, в отрепьях ходили. Все матку, батьку ждали, да хоть кого. Помирали и все спрашивали, не приехал ли кто за ними... Нашим завидовали.

А к Тоньке-то стал свататься директор детского дома. Да так настойчиво. Любил очень. А она отказывала все. Так и осталась в девках. Сначала нянечкой в детдоме была. Потом воспитателем поставили. Мы с Дуськой помогали. Но Дуська, слабо-

нервная. Дети-то после войны много уже пережили. Как понараскажут то о себе!.. Один мальчик калекой к нам поступил. Рассказывал, как снаряд в дом попал, всех засыпало, а сестренку маленькую на куски разорвало, а другую он, мальчик этот, схватил и в окно хотел вышвырнуть, а она вцепилась ему в руку и вытащила наружу. Поэтому он живой остался, а девочку эту потом искал... Не нашел. Дуська все ночи не спала. Чуждаться людей стала. Бормотала чего-то про себя. Потом на людей кидаться стала, блазилось что-то. И Тоньку люто ненавидела. Ушла на завод, вроде поспокойней стала. Жила там же, в проходной, домой заходить боялась. А я, гляди, вот эта, с косами. Чего, не похожа? — засмеялась старушка.

— Есть что-то, — скромно отозвалась Анна.

— Мы тут все тощие, а сейчас, гляди, какая толстуха стала. А я все в детдоме работала. Батя вернулся только в 47 году. Ему по дороге домой сболтнул кто-то, что у нас немчуренок растет, Славик, значит. Так вот, помню, хулуший, обросший, как обезьяна, появился на пороге. Я-то Шурку подстригала как раз на ступеньках. Да как закричит таким грубым, злым голосом, чего, мол, змею на груди пригрели, немецкое отродье взрастили. Шурку аж затрясло от страха. А тут гляжу, Настасья из-за угла выскакивает: «Батя!» — кричит. Как она его узнала — до сих пор ума не приложу. Она то его узнала, а он долго нас разглядывал, не узнавал. А Славку как увидел, полюбил, сыном признал. Долго убивался по матери, Анютке, Танюхе, Марусеньке и Аленке. Да разве горе-то передашь?..

Дуська-то батю сначала не узнала. Кричала, говорила, что больше не выдержит немцев. Потом отошла. Вернулась домой. Все было как будто бы нормально. Но, как-то, кинулась на батю с ножом. За немца приняла опять. А он ее жалел. Обнимет, бывало, по голове гладит, успокаивает. И правда, успокаивалась, рассказывала о том, что с нами в войну было во всех подробностях. Мы то и вспоминать боялись, прошло и прошло, а она рассказывала. Батьке душу бередила, да и нам тоже.

Потом батя вместе с Дуськой на заводе работал. Жизнь налаживалась потихоньку. Пошли мы в школу. А что в школе. Учителей нет. Вот и послали меня на курсы, да сразу преподавать. Ученики старше меня были. Потом уж педучилище кончила. Вот так-то, милая.

— А что с Антониной стало? — поинтересовалась Анна.

— С Тоней-то? А всю жизнь в детдоме проработала. Та половина дома так и осталась за детдомом. Сейчас там у них склад. Главное здание рядом выстроили. Боле-ла она чем-то. Как отоцала после войны, так и не поправлялась. А как отца забрали, совсем в работу ушла. Умерла, 50 лет всего было. Так дети детдомовские за гробом шли, плакали. Любили они ее. Да как не любить-то. Последний кусок им отдавала.

— Жила она здесь, в этом доме?

— Здесь жила, со Славиковой семьей. А Славик слаб здоровьем был, рахитичный, ноги кривые так и остались. Женился на детдомовке Тосе. Ребенок первый у них уродом родился, пожил немного, да и помер, а больше детей не было. Да и жена долго не протянула...

— А эта девочка, которая улыбается, она кем стала?

— Настенька-то? Веселый норов ей от бати передался. Музыку любила. Пела все, плясала. Певица она. На севере живет. Двое детей было. Дочь померла от рака, двоих внуков оставила. Взрослые уж. А сын инвалид был, муж, как узнал, что ребенок больной, так и бросил ее с двумя-то... Она с внуками вот теперь.

А Шурочка, гляди, на руках у бати, маленькая наша, ангелочек. Росла незаметно, тихонькая была, послушная. В школу девяти лет пошла. А в 13 померла от ревматизма сердца. Я тогда уже замуж вышла, первенца ждала. Бросила все, приехала на похороны. Шурочка такая бледненькая в гробике лежала, волосенки у ней черненькие кучерявенькие были, разбросались в стороны. Как сейчас вижу. Тонька места себе не

находила, думали, и она помрет, не вынесет... А у меня потом выкидыш случился... Долго детей не было, да послал Бог...

— Вы, стало быть, Зина? — спросила Анна.

— Да, Зина, а ты откуда знаешь?

— Да так, логическое мышление. А что стало с Дусей?

— А Дуська у нас в психбольнице лечилась. Потом исчезла. Вроде, кто-то из бывших детдомовцев ее видел. Она нам всем привет передавала. А общаться не захотела... И Славик писал ей даже, да что-то тоже не заладилось... Ой, милая, совсем я тебя заговорила,— спохватилась вдруг старушка,— ты же спешишь.

— Нет, спешить мне некуда.

— Как некуда, а бабушка как же?

— А, бабушка? Хорошая у меня бабушка, Евдокия Петровна зовут. Она мне о своем детстве все подробно рассказывала. У нее две дочери было, Анна и Мария. Теперь внуки растут — Анна, то есть я, моя сестра Маша, двоюродные сестры Татьяна и Алена. Таня недавно мальчика родила, бабушка его Петей назвала...

— Ой! — всплеснула руками бабушка Зина и заплакала...

